

Дальнее — близкое — эпизод 18 из 31

Вскоре удалось повидать «железный круг», и тоже с Никитой Савельичем. При удивительно сухой осени того года никакой «топеси» там не оказалось, но дикий «конобой» был налицо. Сопровождался он обильной матерщиной и частым рукоприкладством. Трудность сдачи усиливалась тем, что одни сорта железа принимались «на вагон», другие — «на склад». Это не было заранее известно сдатчикам и создавало дополнительную трудность. Вполне понятно, почему «железный круг» считался «самым худым местом».

В следующее после поездки на вокзал воскресенье мне удалось побывать за городом. Эта памятная прогулка началась тоже с неприятности.

Мой верх-исетский приятель Ваня Волокитин, как уже я говорил, не отличался крепким здоровьем. Поэтому, может быть, он и не знал никаких игр и развлечений, кроме комнатных. Мне и захотелось немного просветить его по этой части. В огороде в то время как раз убрали все овощи, кроме капусты. По нашим заводским обычаям, наступила пора прыгать с бань на мягкую огородную землю. Вот я и показал пример. Развлечение это у нас дома считалось законным, взрослые «не ругались», поэтому я действовал не таясь и в конце концов соблазнил Ваню. Ему было честно сказано: «Скакать на ноги, а не валиться как попало», — но он, как видно, трусил в последний момент и именно «свалился как попало». В результате ушиб колено и «запел». Прибежала его мамаша — «татарская французинка» — и подняла шум. На мою беду Никиты Савельича дома не было. Вышла Софья Викентьевна и, узнав, в чем дело, сама пришла в ужас. Пришлось мне выслушать немало обидных слов, и потом, уже в комнате, битый час мне рассказывались страшные истории о случаях падений.

Понятно, что после этого меня не радовало прекрасное утро следующего дня. Сидел во дворе нахохлившись, ковырял стену и ворчал на своего приятеля:

— Долган такой! А скакнуть не умеет. Сам еще хвалился: «Наши городские всегда ловчее!» Вот тебе и ловчее! Да еще запел: «Ой, нога! Ой, нога!» Кисляк!

В это время из-за угольника вышел Полиевкт Егорыч и первым делом спросил:

— Ну что, Сысертский, накормили тебя вчера кислым?

Не получив ответа, старик усмехнулся:

— А ты не сердись. То ли еще на веку будет. На всякий пустяк сердиться — духу не хватит. Видел и слышал я. Подвел тебя Хлипачок. А Чернобровка, видать, не больно любит чужих ребят. У баб ведь не как у мужиков. Которая со своими мается, та и чужих любит, а у которой нет, та и чужих побаивается и не любит. Где у тебя Громило-то гуляет?

— В Сарапулку на эпизоотию уехал.

Слово «эпизоотия» было первым усвоенным в городе новым словом. И мне нравилось его произносить: эпи-зо-о-тия. Полиевкт Егорыч, видимо, заметил это, улыбнулся и продолжал расспрашивать:

— Когда вернется?

— Говорил, не меньше недели проедит. В четверг, стало быть, дома будет.

— Дельце ему нашел одно. Любопытное. Надо бы на месте ту запись проверить. Пойдем со мной, чем тут киснуть да стену колупать. Опяток наберем, по лесу побродим, а?

Заметив, что я поглядел на окна верхнего этажа, старик сделал вывод:

— Спит еще Чернобровка? Ну, ничего, без нее обойдемся. Неразумную деву обломаю, — отпустит.

Полиевкт Егорыч отправился в кухню и вскоре вынес оттуда корзинку с хлебом и кружкой. Из окна я услышал ласковое напутствие:

— Сходи, разгуляйся после вчерашнего-то.

Полиевкт Егорыч сходил в свой заулышек и вышел в полном лесном снаряжении: в парусиновом балахоне, рыжих сапогах и в войлочной шляпе. В одной руке большая корзина, закрытая сверху мешком, в другой — чайник.

Отправились через Никольский мост и потом повернули вправо по последней Опалихе. С этих мест мне не приходилось видеть город, и картина была новой, интересной. Отсюда особенно заметной казалась широкая полоса разрыва между городом и Верх-Исетском.

— Вот она, богова земляца, — кивнул старик в сторону этой по-осеннему пожелтевшей полосы. — Десятин, поди, полтыщи впусе лежит, хозяина ждет. А пока только арестантам да покойникам помещенье. Ну, лошадам пробежка да больных малость пускают.

Здесь, действительно, тогда было лишь четыре сооружения: обнесенный тесовым забором круг ипподрома, белое здание госпиталя, который содержался уездным земством и верх-исетским заводоуправлением, поэтому и помещался между городом и заводом, дальше виднелись тюрьма и кладбищенская церковь с обширной каменной оградой.